

THE FUTURE OF THE LITERARY ESTATE IN LINE WITH THE “CIVILIZATIONAL APPROACH”

Bogdanova Olga Alimovna^{1*}

Professor, Leading Researcher, A.M.

Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia.

(date of receiving: September, 2025; date of acceptance: November, 2025)

Abstract

In the USSR and in the post-Soviet period are shown. Based on the material of Russian literature at the turn of the 20th–21st centuries, the trends in the development of the literary estate in line with the “civilizational approach” associated with the “great time” (M.M. Bakhtin) of Russian history were revealed for the first time. Based on this methodology, in the process of textual analysis of the works of T.N. Tolstaya, V.G. Sorokin, A.P. Potemkin, Yu.V. Mamleev, V.O. Pelevin, G.S. Yakhina, etc., the conclusion is made that the history of the Russian literary estate is not limited to the imperial period of the 18th – early 20th century, as previously thought, but goes back to Moscow Rus with its Turkic-Slavic socio-cultural symbiosis. At the same time, some authors satirize the “civilizational approach” and the accompanying “estating” of Russia (V.G. Sorokin, V.O. Pelevin), some remain neutral (T.N. Tolstaya, G.S. Yakhina), and others welcome the new civilizational shift (A.P. Potemkin, Yu.V. Mamleev).

Keywords: Russian Literary Estate, “Civilizational Approach”, Russian Literature of the Turn of the 20th–21th Centuries, The Estate as a Euro-Asian Phenomenon and a Window Into Transcendent Meanings, The Future of the Russian Estate.

1. E-mail: olgabogda@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7004-498X> * Corresponding author

БУДУЩЕЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ УСАДЬБЫ В РУСЛЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ПОДХОДА

Богданова Ольга Алимовна^{1*}

Профессор, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им.
А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия.

(дата получения: сентябрь 2025 г.; дата принятия: ноябрь 2025 г.)

Аннотация

Рассмотрено усадебное жизнеустройство как элемент общечеловеческого культурного кода. Показаны его особенности в СССР и в постсоветское время. На материале русской литературы рубежа XX–XXI вв. впервые выявлены тенденции развития *литературной усадьбы* в русле *цивилизационного подхода*, связанного с *большим временем* (М. М. Бахтин) отечественной истории. С опорой на указанную методологию в процессе анализа произведений Т. Н. Толстой, В. Г. Сорокина, А. П. Потёмкина, Ю. В. Мамлеева, В. О. Пелевина, Г. Ш. Яхиной и других сделан вывод о том, что история русской *литературной усадьбы* не ограничивается имперским периодом XVIII – начала XX в., как считалось ранее, но восходит к Московской Руси с ее тюрко-славянским социокультурным симбиозом. При этом часть авторов сатирически высмеивают *цивилизационный подход* и сопутствующую ему *усадьбизацию* России (В. Г. Сорокин, В. О. Пелевин), часть остается на нейтральных позициях (Т. Н. Толстая, Г. Ш. Яхина), другие приветствуют новый цивилизационный сдвиг (А. П. Потёмкин, Ю. В. Мамлеев).

Ключевые слова: русская *литературная усадьба*, *цивилизационный подход*, русская литература рубежа XX–XXI вв., усадьба как евро-азиатский феномен и окно в трансцендентные смыслы, будущее русской усадьбы.

1. E-mail: olgabogda@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7004-498X>

* Ответственный автор

Введение

Скажем сразу, что отнесенность русской усадьбы, в том числе литературной, исключительно к историческому прошлому страны мы считаем ошибочной. Ведь вопреки устоявшемуся мнению об окончательной гибели русской усадьбы в огне революций и Гражданской войны 1917–1922 гг., она не была уничтожена в своей основе, но из частновладельческого состояния перешла в такие формы, как усадьба-музей, усадьба – художественная коммуна, усадьба-учреждение, усадьба – школа или детский дом, усадьба – санаторий или больница, усадьба – дом отдыха или творчества, город-сад и т. д., — оставаясь активно-творческой средой, репродуцирующей базовые черты российской ментальности. В разных художественных интерпретациях литературная усадьба присутствует в произведениях писателей советской эпохи (А. М. Горького, Ф. В. Гладкова, А. П. Платонова, А. Н. Толстого, Б. Л. Пастернака, К. Г. Паустовского, Н. А. Островского, М. А. Шолохова, И. А. Новикова, Г. И. Чулкова, А. П. Гайдара, М. М. Пришвина, Г. И. Серебряковой, А. И. Солженицына, А. Н. Рыбакова, А. Г. Битова, Б. Ш. Окуджавы, С. Д. Довлатова и многих других).

Если в советское время русские усадьбы в подавляющем большинстве перешли из рук частных хозяев в общественное достояние, то в постсоветской России на рубеже XX–XXI вв. мы наблюдаем воссоздание русской владельческой усадьбы в новом формате, отчасти приближенном к дачному. Как литературный феномен эта усадьба уже нашла выражение в произведениях Ю. В. Мамлеева («Блуждающее время», 2000), Е. Г. Водолазкина («Авиатор», 2016), А. И. Слаповского («Туманные аллеи», 2019) и др.

Отмеченные процессы не вызывают удивления, так как, по нашему убеждению, усадебный тип жизнеустройства является элементом общечеловеческого культурного кода и универсальным архетипом, заложенным в основание человеческой природы в самом начале мировой

истории. Недаром Эдемский сад-усадьба из библейской Книги Бытия — или «земной рай» — становится моделью и образцом для усадебного строительства во всех странах антично-библейского культурного ареала, а также идеалом жизнеустройства на протяжении многих столетий вплоть до наших дней. Сохраняя неизменное универсальное ценностное ядро, оставаясь самим собой на глубинном уровне, *усадебный топос* в разные времена и в разных странах обладал способностью принимать те или иные социальные, национальные и цивилизационные обличья. Поэтому растущий интерес представляет пока совсем неисследованный вопрос об идеальном типе человеческого жизнеустройства в священных преданиях небиблейских цивилизаций – Китая, Индии, лесостепной Евразии и др. Однако для культур, выросших в лоне исламской религиозности (включающей в свой священный канон Ветхий Завет), библейский усадебный архетип неизменно сохраняет свою актуальность, что чрезвычайно важно для понимания природы русской (российской) усадьбы как одного из основополагающих элементов славяно-тюркской евразийской цивилизационной общности.

Итак, мы считаем, что в исторических катаклизмах начала XX в. была уничтожена лишь *одна* из историко-культурных форм феномена усадьбы, на самом деле насчитывающего тысячи лет. В свою очередь, русская помещичья усадьба, по мнению историков существовавшая начиная с XVI в. (Дворянская и купеческая усадьба 2001. 10), за прошедшие столетия пережила несколько кардинальных социокультурных трансформаций, так что видимое разрушение *усадебной культуры* в 1917–1922 гг. можно считать одним из ее глубоких кризисов, но никак не уничтожением. Таким образом, наличие будущего у русской усадьбы, и реальной и литературной, сомнений не вызывает, пока существуют Россия и ее культура.

Усадьба и дача – нерв русской литературы, отзывающийся то болью утраты, то радостью гармоничного человеческого жизнеустройства на родной

земле. Поэтому процесс деконтекстуализации литературной усадьбы в XX в., т. е. вычленения ее ценностного ядра из ушедшего историко-культурного контекста имперского периода русской истории (XVIII – начала XX в.), требует переноса архетипических усадебных смыслов в иной, нарождающийся, сквозящий будущим историко-культурный контекст. Белорусская исследовательница О. А. Гриневич (Нагель) частично исследовала в русле феноменологического метода отношения между *усадебным текстом* XVIII–XX вв. и «контекстами, которые формируются в сменяющихся друг друга тенденциях деконтекстуализации и реконтекстуализации и в механизме культурной метарефлексии» (Гриневич 2022. 82). В свою очередь, мы предлагаем осмыслить указанные процессы в рамках ориентированного на *большое время* (М. М. Бахтин) *цивилизационного подхода*.

Основная часть

Истоки *цивилизационного подхода* в отечественной и зарубежной науке восходят еще к XIX – первой половине XX в. – трудам Н. Я. Данилевского, О. Шпенглера и А. Тойнби, выделявших на протяжении мировой истории по несколько ключевых *культурно-исторических типов*, или цивилизаций: египетскую, ассиро-вавилонскую, индийскую, китайскую, классическую (греко-римскую, аполлоновскую), арабскую (магическую), мексиканскую (майанскую), западную (германо-романскую, фаустовскую), русско-славянскую (православную) и ряд других. Затем цивилизационное направление продолжилось в рамках культурно-исторической макросоциологии и исторической школы «Анналов» (П. А. Сорокин, Ф. Бродель и др.). Важную роль в развитии *цивилизационного подхода* в XX в. сыграл и труд английского геополитика Х. Дж. Маккиндера «Географическая ось истории» (1904), в котором впервые было введено понятие Хартленда как

центральной части Евразии, впоследствии отождествленного им с Советским Союзом.

Огромное значение в первой половине XX в. – у зародившегося в среде русской эмиграции евразийства (П. Н. Савицкий, Н. С. Трубецкой, Г. В. Вернадский, Г. В. Флоровский, Л. П. Карсавин, Д. П. Святополк-Мирский и др.), которое «рассматривало русскую культуру не просто как часть европейской, но как совершенно самостоятельную цивилизацию, вобравшую в себя опыт не только Запада, но и в равной мере Востока»; «евразийцы приняли СССР как новую – парадоксальную – форму изначального пути России», «впервые <...> положительно оценили многонациональную (имперскую) природу Российского Государства», особое внимание уделив «тюркскому фактору. Роль наследия Чингисхана, эстафета монгольской государственности, воспринятая Москвой в XVI веке, виделась ими как решительный поворот России <...> к самобытности, к самоценности. В православном предании именно это время обозначается как период Святой Руси, с превращением Москвы – в Третий Рим <...>. Миссия Святой Руси выражалась в отстаивании особой евразийской культуры, оригинального общественного устройства, по основным параметрам отличных от католического и протестантского Запада» (Основы евразийства 2002. 78, 7–8). впервые сформулировал концепцию России-Евразии на основе ее уникального ландшафтно-климатического пространства. По мысли П. Н. Савицкого – вдохновителя и протагониста евразийского движения, – территория Российской империи является особым континентом между Европой и Азией, синтезом Востока и Запада, веры и научного знания; Октябрьская революция 1917 г. освободила Россию-Евразию от чуждого ей западного влияния, и, в случае преодоления большевистской идеологии, стране откроется великое будущее благодаря огромному природно-географическому богатству и духовному потенциалу православной веры (см.: Савицкий 1997). Учеником и продолжателем П. Н. Савицкого в

позднесоветский период был географ и историк Л. Н. Гумилев, своим тюркофильским подходом (см.: Гумилев 1989; Гумилев 2001) подготовивший почву для признания России многонациональной континентальной цивилизацией.

В 1961 г. в Зальцбурге (Австрия) под председательством А. Тойнби и П. А. Сорокина состоялось первое заседание Международного общества по сравнительному изучению цивилизаций. В 1986 г. Ш. Эйзенштадт в работе «Осевое время цивилизаций» изложил учение о «революции как факторе цивилизационного развития» (цит. по: Гранин 2020. 78), позволяющее пересмотреть трактовку русских революций XX в. как цивилизационных сломов. Особую же актуальность в мире *цивилизационный подход* приобрел в конце 1980-х гг., после окончания «холодной войны» и последовавшего распада СССР. Выход в свет нашумевшего эссе Ф. Фукуямы «Конец истории?» (1989), провозгласившего окончательную политико-экономическую победу неолиберализма как воплощения цивилизации Запада, породил напряженную полемику, важнейшим моментом которой стала знаковая книга С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка» (1996). По мысли последнего, мир вступил в эру одновременной конкуренции между собой 8-ми цивилизаций, в том числе православно-русской, причем основное противостояние должно происходить между Западом и всеми остальными. «Российская цивилизация – это продукт самобытных корней Киевской Руси и Москвы, существенного византийского влияния и длительного монгольского правления» (Хантингтон 2003. 211), что делает ее принципиально отличной от Запада. Петр I и его преемники в процессе европеизации России в XVIII–XIX вв. создали «разорванную страну» (Хантингтон 2003. 214), народ которой хранил основы «самобытной евразийской православной цивилизации», а элита стремилась к иной, западной (Хантингтон 2003. 208). Когда после распада СССР в 1990-е гг. «русские перестали вести себя как марксисты и

стали вести себя как русские, разрыв между ними и Западом увеличился» (Хантингтон 2003. 215). Вслед за предшественниками, под цивилизацией С. Хантингтон понимал единство географии, религии, базовых жизненных ценностей и традиций, менталитета, социокультурных форм жизнеустройства. Последнее напрямую выводит нас к представлению о русской (российской) усадьбе как одной из цивилизационных констант, отнюдь не ограниченной имперским периодом XVIII – начала XX в.

В самой России *цивилизационный подход* также обрел второе дыхание начиная с 1990-х гг. – в трудах В. Л. Цымбурского и его последователей, неоевразийцев (прежде всего А. Г. Дугина) и сторонников Северной цивилизации (С. Б. Переслегина и др.). В. Л. Цымбурский критерий идентичности России как страны-цивилизации находил в Московском царстве, где с конца XVII в. образуется «эволюционная развилка, откуда одна линия ведет к Российской империи и СССР, а другая – к нынешней России» рубежа XX–XXI вв. (Цымбурский 2007. 22): «Вместе с большевистской государственностью окончился весь 270-летний великоимперский западоцентристский цикл российской истории. <...> В сегодняшнем строении России открываются признаки <...> ранней альтернативы великоимперскому развитию» (Цымбурский 2007. 24). Отметим, что осознание этого сдвига позволяет осмыслить в качестве тенденции ряд манифестаций современной русской литературной усадьбы, в противном случае воспринимающихся как курьёз, и увидеть в них то полемический стёб, то пламенную проповедь.

В первую очередь обратимся к роману Т. Н. Толстой «Кысь» (2000), написанному в жанре антиутопии и альтернативной истории. Действие здесь происходит в городе Фёдор-Кузьмичске, бывшей Москве, через 300 лет после «большого взрыва», т. е. применения ядерного оружия, – значит, примерно в конце XXIII в. Не вдаваясь в сложную историософскую проблематику этого произведения и анализ неоднозначной авторской позиции, отметим, что

повествование стилизовано под древнерусскую литературу и фольклор, а обрисованные реалии напоминают Московскую Русь XVI–XVII вв., т. е. будущее в интерпретации автора – это в определенном смысле допетровское, доевропейское прошлое России. Для нас в первую очередь интересно появление в романе Т. Н. Толстой отдаленных аналогов московских городских усадеб XVII в. с *теремами, хлевами, зверинцами, погребями, амбарами, холопами* и – библиотеками (вспомним, что застройка средневековой Москвы принципиально отличалась от принятой в Европе и затем в европеизированной имперской России: так, во времена первых Романовых, в XVII в., «стольный град был необычайно широко раскинувшейся рыхлой агломерацией слобод, разделенных полями, вспольями и лугами. <...> Да, он не подходит под западную, европейскую схему, но совершенно очевидно отражает само отличие цивилизаций — русской и западноевропейской» (Кривов, Крупнов 2004. 180–181)); также внимание привлекают приметы тюрко-славянского симбиоза – народом «голубчиков» правят *мурзы*, облик и нравы которых имеют очевидный татарский отпечаток. В самом деле, исторические исследования показывают, что в XVI–XVII вв., в связи с расширением границ Московского государства за счет Казанского, Астраханского и Сибирского ханств, значительное число татарской знати и служилых людей получили из рук Московских Великих князей (с 1547 г. царей) вотчины и поместья, населенные православными русскими крестьянами (см.: Беляков 2017. 355–359). Шло постепенное инкорпорирование татарских царевичей и мурз родом из Золотой Орды в служилую православную среду и общегосударственную структуру (см.: Беляков 2017. 483, 763). Наряду с этим, картины домашнего быта одного из главных героев «Кыси» Кудеяра Кудеярыча частично пародируют «Домострой» – памятник древнерусской словесности XVI в., раскрывающий повседневное жизнеустройство средневекового русского человека (см.: Толстая 2022).

Аналогичное изображение московских городских усадеб, но в гораздо более разоблачительно-сатирическом ключе, находим в дилогии В. Г. Сорокина «День опричника» (2006) и «Сахарный Кремль» (2008). Главный герой неоопричник Андрей Комяга живет в *тереме*, обслуживается *челядью* и также окружен средневековыми реалиями, впрочем вперемешку с суперсовременными (см.: Сорокин 2024a; Сорокин 2024 b).

В обозначенном аспекте показателен и роман А. П. Потёмкина «Человек отменяется» (2007). Автор относится к ориентированному на западную цивилизацию постсоветскому обществу 2000-х гг., с его коррупцией, резким социальным расслоением и массовым падением духовно-нравственного уровня людей, с острой, нескрываемой неприязнью. Лучшие герои романа одержимы задачей по созданию нового человека, способного к возвышенным, неэгоистическим мыслям и чувствам, и главной площадкой для таких антропологических экспериментов становится построенная искателем смысла человеческого существования Гусятниковым усадьба в Орловской губернии. Симптоматично, что внешний облик поместья одновременно напоминает строения XVII и середины XX в.: 49 крестьянских *изб*, один *терем* для совместных мероприятий, два особняка для помещика и его гостей и несколько *бараков* для проведения экспериментов по основным человеческим «грехам» и преступлениям, в силу чего оно похоже на советский ГУЛag. Получается, что построенный на пустом месте новодел Римушкино (прозрачная отсылка к Москве – Третьему Риму) элиминирует усадебную топику России имперского периода, соединяя в своем пространстве реалии XVI–XVII и XX–XXI вв. (см.: Потёмкин 2014).

В романе Ю. В. Мамлеева «Империя духа» (2011) мы не увидим примет допетровской России – действие происходит то в Москве начала XXI в., то в дачном поселке в окрестностях столицы. Однако в эзотерическом кружке, собирающемся на постсоветском дачно-усадебном пространстве, произносятся

знаменательные речи о России: «Мы не Европа, не Азия, не Восток и не Запад, и не Евразия, и не мост между Западом и Востоком. Мы – Россия, уникальная цивилизация. Как, например, Китай, Индия, исламский мир, Запад...» (Мамлеев 2011. 147). Главное же условие и отличительная черта России-цивилизации, по мнению писателя, – «духовный суверенитет»: «православие, Святая Русь, великая русская литература и культура» (Мамлеев 2011. 148–149).

Продолжает наш небольшой обзор апелляция к недавнему роману В. О. Пелевина “Transhumanism Inc.” (2021), в котором немалая часть действия происходит в сибирских усадьбах отдаленного будущего. Этот воображаемый мир устроен по высшим технологическим лекалам, когда человеческий мозг обретает способность практически вечно путешествовать по разным телам, управляемым с помощью сложнейших компьютерных программ, имплантов и чипов, а также регулировать по своему желанию разнообразные виртуальные «симуляции». При этом господство эко-технологий привело к частичному техническому регрессу: вместо автомобилей снова используется гужевой транспорт, тяжелые ручные работы выполняются на территории бывшей России биороботами-холопами, имитирующими внешность и образ жизни крестьян, однако благодаря соответствующему программированию их лица постоянно лучатся счастьем. Не вдаваясь в целостный анализ этого произведения, остановимся на архаических деталях при описании усадебной жизни на территории России в IV (или V) тысячелетии н. э. в главах «Гольденштерн все» и «Митина любовь».

Во-первых, от самого названия будущей страны – *Доброе Государство* – веет средневеково-фольклорной стилизацией, то же можно сказать о партии *сердоболов* и вождях *Добросуда*. Важно отметить, что в тексте произведения усадебная форма жизнеустройства в будущей России показана как господствующая, массовая. Кроме того, в названных главах появляется

конгломерат из разновременных деталей русской усадебной жизни XVI–XIX вв.: помимо дворян и крестьян-холопов, скоморохов с бум-балалаем (контаминацией бубна и гуслей) и репертуаром из былин, плачей и древнерусских исторических песен, кочевых «тартаренов» (тюркских народов Сибири), телег с сеном для переезда со станции в усадьбу, «гроздьев» икон в «горнице» Маниной тетки-помещицы, записок на бересте (т. е. примет допетровской Руси), в близлежащем уездном городке наличествует Благородное собрание с астрономическим кружком и телескопом, буфетом, бильярдом, игрой в карты, а сами сибирские помещики любят одеваться с вошедшим в моду во второй половине XIX в. «анархистским шиком» (Пелевин 2021. 480). Наряду с перечисленным, усадебная жизнь в романе оснащена сложными технологическими новинками: так, у всех граждан Доброго Государства в мозг вживлены импланты, позволяющие властям, с одной стороны, контролировать их мысли и действия, с другой – предоставлять им широкий спектр виртуальных услуг для комфортного существования; в усадьбах – компьютеры, видеокамеры, датчики, смарт-очки, с доставкой различных товаров по заказу прилетают дроны, из Москвы и обратно с огромной скоростью курсируют поезда-гиперкурьеры, и т. п.

Также в романе В. О. Пелевина дано подробное описание «средней руки московской усадьбы» (Пелевин 2021. 18), в которой постоянно проживала с матерью лицеистка Маня, лишь на каникулах навещавшая сибирскую тетку: это оштукатуренный бревенчатый дом с гипсовым львом у крыльца и фальшивыми полуколоннами на фасаде, из служб имеются сарай, конюшня, холопская, дровник, внутри скромно растет яблоневый садик. Здесь полностью отсутствуют следы имперского дворянского блеска – слякоть у крыльца, обвалившаяся штукатурка, скудное освещение. По мнению Мани, в Москве будущего они жили «как в христианском Константинополе – если не считать, конечно, технологических микровкраплений» (Пелевин 2021. 54). Напомним,

что христианским Константинополь оставался лишь до середины XV в. Ну, а весь имперский период России XVIII–XX вв. иронически трактуется у Пелевина как «садомазохистический роман с доисламской Европой» (Пелевин 2021. 114). Наконец, в финале произведения читатель понимает, что созданный автором художественный мир находится в абсолютной власти дьявола при отсутствии Бога. Итак, на страницах “Transhumanism Inc.” мы встречаем полемическую по отношению к *цивилизационному подходу* начала XXI в., остро антиутопическую картину будущего России. Симптоматично, что усадьба допетровского времени занимает в ней весьма существенное место.

Возвращаясь к идеям В. Л. Цымбурского, отметим, что он указывает на «определяющую роль нашего востока (В первую очередь Сибири. – О. Б.) в поддержании самоидентичности России» (Цымбурский 2007. 26). Симптоматично, что и в наших литературоведческих исследованиях заметно актуализируется тема «Русская усадьба и Азия». Прежде всего на ум приходят *усадебные* произведения о русской Азии – Урале и Сибири, вдохновленные так называемой *горнозаводской цивилизацией* (в прозе Д.Н. Мамина-Сибиряка, Б.Л. Пастернака, Б.К. Зайцева и др.), литературные усадьбы первой половины XIX в. Аксаковых и Тимашёвых на границе башкирских степей в Оренбургской и Уфимской губерниях, усадьбы в странах Кавказа и Центральной Азии в период их включенности в зональную литературу СССР (например, дом-музей Ч. Т. Айтматова в окрестностях Бишкека в Киргизии), так называемые усадьбы-«восточные замки», которые строились в Серебряном веке на территории Крыма (их черты отразились в текстах И. А. Бунина, И. С. Шмелева, С. Н. Сергеева-Ценского и др.) и т. п. Оговоримся, что под Азией мы понимаем не столько географическое пространство, сколько культурный концепт: поэтому формально входящие в состав Европы российские Поволжье, Крым, Пермский край и т. д. причисляются нами к Азии.

Неоевразийское движение, вобравшее в себя «наследие евразийцев 1920–1930-х гг., опыт русского православия, социальную критику русских народников и европейских “новых левых”, достижения советского этапа отечественной истории, философию традиционализма и консервативной революции и геополитическую методологию» (Основы евразийства 2002. 9), получило значительное и все возрастающее влияние в первой четверти XXI в. Предлагая «многополярную глобализацию» и «евразийский федерализм», неоевразийство ставит задачу «приоритетного возрождения русской нации» (Основы евразийства 2002. 13), в том числе путем демографического роста. Очевидно, что эта идея перекликается с проектом «поместно-усадебной урбанизации», изложенным в книге А. С. Кривова и Ю. В. Крупнова «Дом в России. Национальная идея» (2004). Программа авторов – «уйти от образа городов как бетонно-каменных античеловеческих пространств <...> к образу экологических городов-садов, <...> составляющих страну-сад Россию», другими словами – строить новую Россию как «страну-сад из усадебно-поместных городков», «не барских», «высокотехнологичных», «современных» (Кривов, Крупнов 2004. 114, 118), способствующих распространению многодетной семьи.

Усадьба как *евро-азиатский феномен* представлена в современной прозе романом Г. Ш. Яхиной «Дети мои» (2018): немецкий колонист Удо Гримм, владеющий в начале 1920-х гг. небольшим поместьем, расположенным на высоком берегу Средней Волги, ест по-татарски (руками, без приборов), на столе у него греется русский самовар, а у всех работников в усадьбе – «суровые монгольские лица» (Яхина 2018. 37–40). Здесь задается единство самой что ни на есть западной Европы (немецкой) и самой настоящей дальней Азии (казахской, киргизской) на русской земле, в усадьбе, которая соединяет, сплавляет в своем пространстве евро-азиатские потоки. Позже такое же единство проявится во внешнем облике многолетнего усадебного

«отшельника» Якоба Баха: этнический немец, он там «бороду русскую отпустил, косицу киргизскую» (Яхина 2018. 172).

Наконец, в начале XXI в. относительно России выдвинута еще одна цивилизационная концепция. Сведя выделенные С. Хантингтоном мировые цивилизации к Западной, Восточной и Южной, С. Б. Переслегин находит у нашей страны все «предпосылки к формированию на своей основе четвертой основной цивилизации современности – Севера» (Переслегин 2003. 598). Ее структурообразующие признаки – домен как социальная организация и трансцендентный характер русской культуры. Возможно, утопически звучат обращенные к будущему слова из книги «Дом в России. Национальная идея»: «Ключевой цивилизационный сдвиг, определяющий построение Северной цивилизации, – реализация принципа личности как основания подлинно христианского массового общества» при сохранении «исторического лица каждого народа» России (Кривов, Крупнов 2004. 355–356). Однако думается, они способны стать мировоззренческой платформой для будущего *усадебного текста* русской литературы – ведь важнейшим принципом создания Северной цивилизации будет, по А. С. Кривову и Ю. В. Крупнову, поместно-усадебный тип расселения. Поэтому в ближайшие 40–70 лет, которые ученые отводят для построения Северной цивилизации, благодаря нерастраченной способности *усадебного топоса* к новым культурным модификациям, можно ожидать произведений, связанных с обновленной русской (российской) усадьбой как *городом-садом, окном в трансцендентные смыслы и евро-азиатским феноменом*.

Заключение

Итак, будущее у русской литературной усадьбы, безусловно, имеется. На основе рассмотренных произведений современной литературы оно представляется продолжением многовековых самобытных цивилизационных

традиций. Однако необходимо учитывать, что все упомянутые нами произведения конца XX – начала XXI в. написаны в контексте постмодернистской культурной ситуации с ее онтологической и антропологической неопределенностью, деконструкцией привычных бытийных смыслов, иерархий и нарративов. Современная ситуация такова, что часть авторов сатирически высмеивают *цивилизационный подход* и сопутствующую ему *усадьбизацию* России (В. Г. Сорокин, В. О. Пелевин), часть остается в целом на нейтральных позициях (Т. Н. Толстая, Г. Ш. Яхина), другие же приветствуют новый цивилизационный сдвиг (А. П. Потёмкин, Ю. В. Мамлеев). В заключение также добавим, что в свете *цивилизационного подхода* одной из важных задач литературоведческого усадебоведения становится, на наш взгляд, изучение усадьбы в древнерусской и тюркской (прежде всего татарской) литературах. Это пока совсем неисследованная область, однако современная проза говорит нам о том, что футурология русской усадьбы связана с *большим временем*, что история русской усадьбы далеко не ограничивается имперским периодом XVIII – начала XX в., но восходит к Московской Руси с ее тюрко-славянским симбиозом.

Литература

- 1- Беляков А. В. (2017). *Инкорпорация тюркской знати в России: Чингисиды в Московском государстве XV–XVII вв.: дис. ... д-ра историч. наук*. М. 899 с.
- 2- Гранин Ю. Д. (2020). «Цивилизационный подход». *Становление и эволюция // Проблемы цивилизационного развития*. Т. 2, № 2. С. 65–85.
- 3- Гриневич О. А. (2022). *Поэтика усадебного текста: миф, реальность, литература: монография*. Гродно : ГрГУ им. Янки Купалы. 143 с.
- 4- Гумилев Л. Н. (1989). *Древняя Русь и Великая степь*. М. : Мысль. 766 с.
- 5- Гумилев Л. Н. (2001). *Этногенез и биосфера Земли*. СПб. : Кристалл. 640 с.
- 6- *Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVI–XX вв.: исторические очерки* (2001). / отв. ред. Л. В. Иванова. М. : Эдиториал УРСС. 782 с.

- 7- Кривов А. С., Крупнов Ю. В. (2004). *Дом в России. Национальная идея*. М. : ОЛМА-ПРЕСС. 416 с.
- 8- Мамлеев Ю. В. (2011). *Империя духа: роман*. М.; Воронеж : TERRA FOLIATA. 176 с.
- 9- *Основы Евразийства* (2002). М. : Арктогея Центр. 800 с.
- 10- Пелевин В. О. (2021). *Transhumanism Inc.: роман*. М.: Эксмо. 608 с.
- 11- Переслегин С. Б. (2003). *Послесловие. О спектроскопии цивилизаций, или Россия на геополитической карте мира // Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Ю. Новикова*. М. : АСТ. С. 578–602.
- 12- Потёмкин А. П. (2014). *Человек отменяется: роман*. М.: ПоРог. 556 с.
- 13- Савицкий П. Н. (1997). *Континент Евразия*. М.: Аграф. 461 с.
- 14- Сорокин В. Г. (2024a). *День опричника: повесть*. М.: АСТ. 224 с.
- 15- Сорокин В. Г. (2024b). *Сахарный Кремль: сборник рассказов*. М.: АСТ. 256 с.
- 16- Толстая Т. Н. (2022). *Кысь: роман*. М.: АСТ. 382 с.
- 17- Хантингтон С. (2003). *Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Ю. Новикова*. М.: АСТ. 603 с.
- 18- Цымбурский В. Л. (2007). *Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006*. М.: РОССПЭН. 544 с.
- 19- Яхина Г. Ш. (2018). *Дети мои: роман*. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной. 496 с.

Bibliography

- 1- Beliakov A. V. (2017). *Inkorporatsiia tiurkskoi znati v Rossii: Chingisidy v Moskovskom gosudarstve XV–XVII vv.: dis. ... d-ra istorich. nauk*. М. 899 s.
- 2- Granin Iu. D. (2020). «Tsivilizatsionnyi podkhod». *Stanovlenie i evoliutsiia // Problemy tsivilizatsionnogo razvitiia*. Т. 2, № 2. S. 65–85.
- 3- Grinevich O. A. (2022). *Poetika usadbnogo teksta: mif, real'nost', literatura: monografiia*. Grodno : GrGU im. Ianki Kupaly. 143 s.
- 4- Gumilev L. N. (1989). *Drevniaia Rus' i Velikaia step'*. М. : Mysl'. 766 s.
- 5- Gumilev L. N. (2001). *Etnogenez i biosfera Zemli*. SPb. : Kristall. 640 s.
- 6- *Dvorianskaia i kupecheskaia sel'skaia usad'ba v Rossii XVI–XX vv.: istoricheskie ocherki* (2001). / otv. red. L. V. Ivanova. М. : Editorial URSS. 782 s.
- 7- Krivov A. S., Krupnov Iu. V. (2004). *Dom v Rossii. Natsional'naia ideia*. М. : OLMA-PRESS. 416 s.

- 8- Mamleev Iu. V. (2011). *Imperiia dukha: roman*. M.; Voronezh : TERRA FOLIATA. 176 s.
- 9- *Osnovy Evraziistva* (2002). M. : Arktogeia Tsentr. 800 s.
- 10- Pelevin V. O. (2021). *Transhumanism Inc.: roman*. M.: Eksmo. 608 s.
- 11- Pereslegin S. B. (2003). *Posleslovie. O spektroskopii tsivilizatsii, ili Rossiia na geopoliticheskoi karte mira // Khantington S. Stolknovenie tsivilizatsii / per. s angl.* Iu. Novikova. M. : AST. S. 578–602.
- 12- Potemkin A. P. (2014). *Chelovek otmeniaetsia: roman*. M.: PoRog. 556 s.
- 13- Savitskii P. N. (1997). *Kontinent Evraziia*. M.: Agraf. 461 s.
- 14- Sorokin V. G. (2024a). *Den' oprichnika: povest'*. M.: AST. 224 s.
- 15- Sorokin V. G. (2024b). *Sakharnyi Kreml': sbornik rasskazov*. M.: AST. 256 s.
- 16- Tolstaia T. N. (2022). *Kys': roman*. M.: AST. 382 s.
- 17- Khantington S. (2003). *Stolknovenie tsivilizatsii / per. s angl.* Iu. Novikova. M.: AST. 603 s.
- 18- Tsymburskii V. L. (2007). *Ostrov Rossiia. Geopoliticheskie i khronopoliticheskie raboty. 1993–2006*. M.: ROSSPEN. 544 s.
- 19- Iakhina G. Sh. (2018). *Deti moi: roman*. M.: AST: Redaktsiia Eleny Shubinoi. 496 s.

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Bogdanova O. A. (2026). THE FUTURE OF THE LITERARY ESTATE IN LINE WITH THE “CIVILIZATIONAL APPROACH”. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury*, 14(1), 11-29.

DOI:10.61186/IARLL.27.1

URL: <https://www.journaliarll.ir/index.php/392>

آینده «ادبیات باغ‌عمارت» در چارچوب رویکرد تمدنی

اولگا علیمونا باگدالوا^{*}

استاد، پژوهشگر برجسته انستیتو ادبیات جهان گورکی، آکادمی علوم روسیه،
مسکو، روسیه

(تاریخ دریافت: سپتامبر ۲۰۲۵؛ تاریخ پذیرش: نوامبر ۲۰۲۵)

چکیده

این مقاله سبک زندگی «باغ‌عمارت» را به مثابه عنصری از رمزگان فرهنگی جهان‌شمول بررسی می‌کند و ویژگی‌های آن را در دوران اتحاد جماهیر شوروی و دوره پساشوروی نشان می‌دهد. بر پایه متون ادبیات روسیه در آستانه سده‌های بیستم و بیست‌ویکم، برای نخستین بار روندهای تحول «ادبیات باغ‌عمارت» در چارچوب «رویکرد تمدنی» مرتبط با مفهوم «زمان بزرگ» (م.م. باختین) در تاریخ روسیه آشکار می‌گردد. با تکیه بر روش‌شناسی یادشده و در جریان تحلیل آثار ت.ن. تالستایا، و.گ. سورکین، آ.پ. پوتیومکین، ی.و. ماملی‌یف، و.ا. پلین، گ.ش. یاخینا و دیگر نویسندگان، این نتیجه گرفته می‌شود که تاریخ «ادبیات باغ‌عمارت» روسیه، برخلاف دیدگاه پیشین، به دوره امپراتوری سده هجدهم تا آغاز سده بیستم محدود نمی‌شود، بلکه ریشه در روس مسکویی و هم‌زیستی اجتماعی-فرهنگی ترک اسلاوی آن دارد. در این میان، شماری از نویسندگان رویکرد تمدنی و «باغ‌عمارت‌شدن» روسیه را که با آن همراه است، به صورت طنزآمیز به نقد و تمسخر می‌گیرند (و.گ. سورکین، و.ا. پلین)، گروهی موضوعی خنثی اتخاذ می‌کنند (ت.ن. تالستایا، گ.ش. یاخینا)، و گروهی دیگر از این چرخش تمدنی نوین استقبال می‌نمایند (آ.پ. پوتیومکین، ی.و. ماملی‌یف).

واژگان کلیدی: ادبیات باغ‌عمارت روسی، رویکرد تمدنی، ادبیات روسیه در آستانه سده‌های بیستم و بیست‌ویکم، عمارت به مثابه پدیده‌ای اوراسیایی و دریچه‌ای به معانی متعالی، آینده ادبیات باغ‌عمارت روسی.

1. E-mail: olgabogda@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7004-498X>

* نویسنده مسئول

نوع مقاله: علمی-پژوهشی